

HASTING
ACADEMY

КЭТТИ
Джеймс

ХОРОШИХ ДЕВОЧЕК (не) ПРЕСЛЕДУЮТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэтти Джеймс

Хороших девочек не преследуют

<https://litres.ru/74316512>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все совершают ошибки. Но за мою пришлось заплатить слишком высокую цену — публичным позором и отчислением из-за одного видео, отправленного не тому человеку.

Академия «Приорат» должна была стать моим чистым листом. Мой балетный талант вырвал мне стипендию, но я снова оступилась. Оглушенная страхом потерять свой шанс, я поддалась на провокацию и испортила роскошный спорткар главного мажора университета.

Теперь Максвелл Воронов жаждет превратить мою жизнь в ад, требуя расплаты за уязвленное эго. Но он — не единственная моя проблема.

В темноте моей комнаты появился тот, кто знает мой самый грязный секрет. Безликий сталкер в маске, пробирающийся ко мне по ночам. Он не просит денег: ему нужна моя покорность, мои тайны, мое тело и душа.

Я застряла между двумя монстрами: один рушит мою жизнь днем на глазах у всех, а второй медленно подчиняет меня себе в

ночной тишине. И самое страшное — я больше не знаю, кого из них боюсь больше.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Аврора	6
Глава 2. Максвелл	22
Глава 3. Аврора	29
Глава 4. Максвелл	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэтти Джеймс

Хороших девочек не преследуют

От автора

В тексте вас ждут:

- Нецензурная брань
- Тихоня и мажор
- Откровенные сцены
- Преследование
- Маски и скрытые личности
- Упоминание крови
- Темные секрет
- Одержимый герой и его цель

Это темная романтика, так что будьте аккуратнее со своими желаниями — строго 18+

Глава 1. Аврора

Член.

Это первое, что я вижу, переступив порог братства.

Он торчит наружу, пока его пьяный хозяин — очередной золотой мальчик, сын какого-нибудь неприкосновенного политика или высокооплачиваемого адвоката, — нагло и без всякого стеснения пробирается сквозь толпу. Ему плевать. Здесь всем плевать на нормы.

Вокруг висит густая, тяжелая духота из пара вейпов, запаха дорогого табака и пролитого дешевого алкоголя. Едкий неон режет глаза, заливая гостиную грязно-розовым и синим, а басы гремят так, что вибрируют сами ребра. Вся элита университета собралась в одном месте, чтобы захлебнуться в собственном безнаказанном хаосе.

Я вжимаю голову в плечи и тихо пробирюсь вдоль стены, пытаюсь буквально раствориться в воздухе. Сделать шаг, еще один, стать частью тени. Я ненавижу это место каждой клеткой своего тела. Все эти люди, этот дом, эта свободная, разнузданная жизнь — не для меня. Я не могу позволить себе подобный отдых, потому что у меня нет за спиной богатого папочки. Никто и ничто не сможет защитить меня в случае провала.

Моя жизнь — это не спонтанные тусовки, а жесткий график с подъемом в пять утра, стертые в кровь пальцы, но-

ющие от напряжения мышцы и тонкая ниточка стипендии, за которую я держусь изо всех сил. Я здесь на птичьих правах. Нищая балерина среди хозяев жизни, чье благополучие держится лишь на строгом дисциплинарном распорядке и редкой, почти нереальной удаче. Моя единственная цель — быть невидимой, забрать то, за чем пришла, и исчезнуть, пока я не стала мишенью.

Пробираясь вглубь дома, я огибаю длинный стол, где толпа из лакроссовской команды университета с диким ором играет в пиво-понг. Чуть дальше, в импровизированной фотобудке, пара девушек со стеклянными глазами задирают свои футболки прямо перед объективом, устраивая практически контент для взрослых на глазах у всех. К горлу подступает тошнота — горькая смесь омерзения, неловкости и паники парализует дыхание.

Я вжимаюсь в комок от страха, судорожно сжимая пальцы. Только бы никто из них меня не заметил. Только бы не втянули в свой хаос.

Протискиваюсь дальше к бару, нервно оглядывая зал в поисках Авы. Мне жизненно необходима флешка с музыкой и редкой записью для моей постановки. Без этого соло я не смогу выдать идеальную технику, не смогу доказать на просмотре, что достойна места в труппе, и просто потеряю стипендию.

Мне кажется дикостью, что в нашем ультрасовременном университете, оборудованном по последнему слову техники,

мы до сих пор передаем важные файлы на флешках из рук в руки, словно в прошлом веке. Но сейчас для меня этот маленький пластиковый корпус звучит как единственное спасение.

Хотя сама мысль о носителях информации мгновенно поднимает из глубины личный ад. Память упрямо подкидывает прошлые ошибки. Я уже допускала глупость. Я уже верила людям, а потом то, что было для меня самым сокровенным, самым личным и интимным, мгновенно утекало в сеть. Меня предали. Уничтожили мою прежнюю жизнь за один вечер, превратив в изгоя и заставив бежать из родного города. Я собрала обломки и чудом получила место здесь только благодаря моей прошлой преподавательнице балета, которая выбила для меня этот шанс.

Но второго у меня не будет.

Наконец я замечаю нужную мне блондинку у противоположной стены. Ава целуется с каким-то парнем, но это выглядит настолько развратно и грубо, будто они вот-вот займутся сексом прямо на глазах у толпы. Парни рядом уже хихикают, наблюдая за этим зрелищем.

Сглатывая сухой ком в горле, я пробираюсь сквозь затхлый воздух и замираю в двух шагах, понятия не имея, как их прервать.

— Эм... извините?! — стараюсь перекричать грохочущий бас, но эта парочка упорно меня игнорирует. Парень лишь сильнее прижимает ее к себе. — Я... не хочу прерывать,

но... мне действительно нужна Ава.

Парень лишь сильнее вдавливая девушку в стену, задирая ее юбку так сильно, что опустил глаза чуть ниже, то точно узнаю, какого цвета ее белье. Паника внутри меня нарастает.

— Я просто хочу забрать флешку и...

— Сука, ты меня достала! — мгновенно вспыхивает девушка, наконец отрываясь от губ парня. Она тяжело дышит, ее глаза туманны от алкоголя. — Чего тебе?

— Мне нужна флешка для постановки и... Марта сказала, что передала ее тебе.

— И куда я, по-твоему, ее положила?

Блондинка выглядывает из-за широкого плеча парня так, что я могу разглядеть ее наряд — или то, что с натяжкой можно таковым назвать. Микроскопический топ и юбка, едва прикрывающая бедра.

— По правилам университета...

Ава раздражается искренним, громким хохотом, закидывая голову назад.

— По правилам университета? Ты это серьезно?

— Да брось, Ави. Ты слишком сильно злорадуешь, — встает на мою сторону парень, отстраняясь от блондинки и пятясь ближе ко мне.

Он без церемоний закидывает на мои плечи тяжелую руку, нависая всем своим телом. От него разит перегаром, сладким ликером и чужими духами. Моя кожа мгновенно

покрывается мурашками от отвращения, а мышцы каменеют. Я едва удерживаюсь, чтобы не отпрянуть.

— Не видишь, что ли, как наша новая подруга напряжена? Это чертовски негостеприимно с твоей стороны, дорогая.

Глаза Авы на секунду вспыхивают злым недовольством, но эмоция тут же сменяется наигранной теплой улыбкой и фальшивым блеском в глазах:

— Ты прав. Моя ошибка. Я... не хотела быть грубой, Анора.

— Аврора, — тихо исправляю я, не смея шевельнуться под тяжестью чужой руки.

— Да, да. Как скажешь. Хочешь выпить?

— Нет, я... пришла только за флешкой.

— Да брось, детка, — парень сильнее жмет меня к своему боку, пока Ава делает шаг к нам. — Тебе нужно расслабиться и повеселиться.

Я нервно сжимаю пальцы. Это всего лишь третья подобная вечеринка в моей жизни. Первая была в начале прошлого года — обязательный прием для всех первокурсников, где я простояла у стены. Вторая — в конце того же года, куда меня силой затащила одна из балерин из нашего класса, пока сама не закрылась в туалете с каким-то парнем из команды по лакроссу, бросив меня одну. И эта.

Но никто и никогда из этих людей не был со мной искренне мил. За каждым их шагом кроется подвох.

— Не думаю, что это хорошая идея, — признаюсь я, пыта-

ясь плечом аккуратно скинуть его руку. — Мне нужна лишь флешка, и я сразу вернусь в класс, чтобы подготовиться к пробам.

— Детка, ты нас обижаешь, — хмурится парень, разочарованно мотая головой и сжимая мое плечо сильнее. — Мы к тебе со всей душой, а ты...

— Оставь ее в покое, Дэн.

Ава слегка морщится и неожиданно утягивает меня за руку из объятий парня. Я вздыхаю с облегчением, хотя ее хватка на моем запястье оказывается слишком крепкой.

— Ей нужно... начинать с малого, чтобы влиться... О, сыграем в правду или действие?

— Я правда хочу вернуться в класс и...

— Всего один раунд! — блондинка будто обиженно дует губы, прежде чем вернуть себе хищную улыбку и подмигнуть. — Ничего запрещенного. Клянусь!

— Можем разыграть на троих, если ты не хочешь привлекать к себе много внимания, — добавляет Дэн, делая шаг ближе.

Уступка Дэна звучит почти разумно, но чутье вопит об опасности. Я здесь не для того, чтобы развлекать местную элиту.

— Ну же, Аврора, — чуть ли не умоляет Ава, склоняя голову набок. — Сыграем по одному кругу, и ты получишь свою чертову флешку.

Я замираю, мгновенно взвешивая риски. Дэн смотрит на

меня с ленивым, плотоядным интересом, а Ава чуть заметно постукивает ногтями по своему бокалу, выжидая. Они не отдадут мне вещь просто так. Один круг — и я свободна. Ведь так?

— Хорошо.

— Отлично! — взрывается Ава полным восторгом, даже вприпрыжку хлопая в ладоши. — Дэн, ты первый. Правда или действие?

— Действие, — не задумываясь, ухмыляется парень.

— Уже есть идеи? — блондинка слегка пихает меня бедром в бок, уводя чуть ближе к центру комнаты, дальше от стены. — Может... велим ему испортить фотки тем шлюшкам? — она кивком показывает на девушек в фотобудке. — Или... заставим набить тату прямо на члене?

— Детка, ты и дня не продержишься без секса, — цедит Дэн с ленивой усмешкой.

— Да, но и ты — не единственный парень в университете. Дэн открывает рот, явно собираясь жестко ей возразить, но резко замолкает.

Подобные разговоры кажутся мне дикими, чужими и неправильными. Еще в прошлом семестре весь университет гудел о том, что Ава встречается со совсем другим человеком. С Максвеллом Вороновым.

При одном воспоминании этого имени у меня перехватывает дыхание. Воронов — безупречный, чертовски богатый мажор, безжалостный и опасный. О нем ходили слухи, от ко-

торых стыла кровь: неприкосновенный плохой парень с садистскими наклонностями, упивающийся чужой слабостью и чужой болью. Человек, с которым лучше не пересекаться взглядом в коридорах, если хочешь дожить до выпуска. Но, судя по тому, как свободно Дэн трогает Аву, их союз с Вороновым остался где-то в прошлом году. Или Максвелл просто наигрался и выбросил ее, как выбрасывает все, что перестает приносить ему удовольствие.

— Придумала! — визжит Ава, подпрыгивая на месте от восторга. — Дэн, *мы* хотим... чтобы ты засунул свой язык в глотку той сладкой мышке.

Мы втроем синхронно поворачиваемся, следуя за длинным красным ногтем Авы, указывающим в угол гостиной. Мой взгляд натывается на милую девушку, увлеченно болтающую с таким же милым парнем в очках. Они выглядят... *обычно*. Совершенно нормально на фоне этого безумия.

Прямо как я.

И от этого осознания сердце неприятно сжимается, предчувствуя неладное.

— Ава...

— Это твоё задание, Дэн. — настаивает девушка, даже не удостоив парня взглядом, полностью сосредоточившись на своей жертве. — Поторопись. Не заставляй дам ждать.

Дэн застывает, переминаясь с ноги на ногу. По его лицу видно, что он вовсе не горит желанием выполнять это, но, тяжело выдохнув, он все же срывается с места. Я провожаю

его взглядом, пока он идет через весь зал к противоположному углу дома, к той самой ничего не подозревающей паре.

— Это будет забавно, — злорадствует блондинка рядом со мной, скрещивая руки на груди в ожидании зрелища.

— Я думала... он твой парень.

— Кто? Дэн? — Ава брезгливо морщится, словно я сказала какую-то глупость. — Мы просто трахаемся. По-твоему, сын депутата какого-то захолустья — это предел моих мечтаний?

Я ничего не отвечаю, чувствуя, как внутри нарастает холод. Мой взгляд снова скользит по толпе к Дэну. Я вижу, как он пробирается сквозь танцующих, как грубо, не извиняясь, отпихивает парня в очках в сторону. Тот отлетает к стене, а Дэн переключается на девушку. Он действует резко и грязно — буквально с силой зажимает брюнетку у стены и жестко впивается в ее губы поцелуем. Девушка в полной растерянности, ее глаза округляются от ужаса, и кажется, через мгновение она начинает сопротивляться, панически пытаясь оттолкнуть его от себя. Но... ни тот парень в очках, поправляющий оправу, ни окружающие, которые просто наблюдают, — никто не спешит ей помешать. Для них это просто очередное шоу.

— Это возбуждает, правда? — с довольной улыбкой и хищными чертиками в глазах тянет Ава, наслаждаясь сценой.

— Наверное, — дергаю я плечами, стараясь не выдать сво-

его ужаса.

— Да брось. Не будь такой стервой. Таким, как она, не помешает немного грубости.

Но от вида подобного насилия, завуалированного под игру, меня начинает тошнить. Желудок скручивается в тугой узел, даже когда Дэн наконец отстраняется от плачущей девушки и направляется обратно к нам. Брюнетка же мгновенно растворяется в толпе, глотая слезы.

— Довольна? — злостно бросает Дэн, едва поравнявшись с нами, но Ава тут же грубо впивается в него поцелуем, практически пожирая его губы в знак поощрения.

— Мой герой, — сияет блондинка, наконец отрываясь от него и оборачиваясь ко мне. — Теперь моя очередь. Я выбираю действие.

Она вглядывается в меня так, будто ждет задания, когда я понятия не имею, что ей загадывать. Мой мозг лихорадочно перебирает варианты, безопасные для всех. Выпить стопку водки? Самой поцеловать какого-то парня?

— Раздевайся.

Раздается за ее спиной хриплый голос Дэна, и я тут же ежусь, когда воздух мгновенно сгущается. У них... совершенно ненормальные, жестокие действия для детской безобидной игры.

— Извини? — хмурится девушка, оборачиваясь на него, ее улыбка гаснет.

— Ты слышала. Раздевайся.

Напряжение и глухая злость между ними ощущаются настолько физически, что я боюсь даже вмешаться или вздохнуть громче положенного. Они словно два зверя, готовых вцепиться друг другу в глотки.

— Ты это несерьезно.

— Похоже, что я шучу?

— Эти людишки не достойны такого прекрасного зрелища, и...

Дэн грубо дергает блондинку на себя за локоть, заставляя замолчать и прерывая ее жалкие оправдания:

— Раздевайся. Ты ведь не хочешь, чтобы я лично сорвал с тебя эти тряпки?

Ава замирает на секунду, вглядываясь в его каменное лицо, но тут же резко выдергивает руку, расправляя плечи. Она вызывающе задирает подбородок, глядя ему прямо в глаза, и резким движением стаскивает с себя обтягивающий топ. Ее голые сиськи тут же оказываются на свободе, выставленные на всеобщее обозрение. Не давая никому опомниться, она заводит руки за спину, расстегивает молнию на теннисной юбке и одним движением сбрасывает ее вниз вместе с кружевными трусиками, оставаясь стоять перед всеми в одних каблуках.

Я мгновенно вспыхиваю, чувствуя, как краска заливает лицо и шею, и не знаю, куда себя деть от стыда, пока вся толпа вокруг взрывается одобрительными, сальными возгласами и свистом. Ава же победным, ледяным взглядом прожи-

гает Дэна, игнорируя реакцию остальных.

— Мне устроить дефиле или достаточно?

— Нагнись-ка в нашу сторону, куколка! — орет кто-то из толпы команды по лакроссу.

— Заткнись! — злостно бросает ему Дэн, даже не оборачиваясь, и тот послушно выполняет приказ, поперхнувшись пивом. Дэн снова переводит взгляд на Аву. — Достаточно. Одевайся.

Дэн стаскивает с себя бомбер с эмблемой университета и накидывает тяжелую ткань на блондинку, скрывая ее наготу. Та с довольной, торжествующей улыбкой оборачивается на меня, заставляя с трудом сглотнуть вставший в горле ком.

— Твоя очередь, детка.

— П-правда.

— Первый раунд для действий, — хмуро отзывается Дэн, складывая руки на груди и сверля меня недобрый взглядом. — Пососись с кем-нибудь и все такое. Мне уже плевать.

— Да брось, Дэни. Игра в самом разгаре!

Девушка берет меня под руку, полностью игнорируя свои вещи, так и оставшиеся валяться на полу, и решительно ведет меня к выходу из дома.

— Твое действие... придумала! Флешка взамен на небольшой розыгрыш.

— Розыгрыш?

— Ну да.

Блондинка выводит меня на улицу, и я упираюсь взглядом

в длинную подъездную дорожку у дома братства, заставленную десятком дорогих, сияющих машин. Здесь тоже полно пьяных людей: кто-то катается намыленный прямо по траве, кто-то рисует баллончиком граффити на кирпичной стене, а кто-то пьяно дрыхнет, свернувшись калачиком на газоне. Девушка ловко выуживает из плетеной корзины у входа баллончик с неоново-желтой краской и с силой вкладывает его мне в руку.

— Она смывающаяся. Немного воды и пены — и машина как новая.

— Машина?

— Вон тот Порше, — своим длинным красным ногтем девушка указывает на черный спортивный автомобиль, припаркованный у самого входа в центре, словно король на троне. — Думаю... от пары членов и какой-нибудь смешной подписи он будет в восторге.

Она искренне, заливисто смеется, подталкивая меня вперед к цели, когда первые люди вокруг нас начинают оборачиваться, привлеченные ее смехом и видом баллончика в моей руке.

— Не думаю, что это хорошая идея, — повторяю я заезженную фразу, чувствуя, как паника снова сжимает горло. — Может... я могу что-нибудь выпить или...

— Не будь сукой, детка, — чуть строже перебивает меня Ава, резко уперев кулак в бок так, что бомбер отходит от ее кожи, слегка обнажая грудь. — Я разделась перед всем

университетом, а ты боишься испачкать ручки.

Именно это меня и пугает — ее непредсказуемость. Если я... не сделаю это, они выдумают что похуже или вовсе не отдадут флешку. Но... если я испорчу эту машину... у меня просто нет денег, чтобы ее починить.

— Она смывается, — поддакивает один из парней, стоящих неподалеку, которому, видимо, и принадлежит этот баллончик. Он скрещивает руки на груди, наблюдая за нами. — Просто... не жалея краски, и все будет супер.

Я тяжело сглатываю, ощущая ком в горле, и медленно отступаю к машине, вставая прямо у вытянутого капота, где глянцевый черный лак отражает неоновый свет и мое перепуганное лицо.

Заношу баллончик, пальцы дрожат так сильно, что кнопка поддается не сразу, но затем неон вспыхивает на металле. Я распыляю желтую краску, рисуя член, затем еще один и еще, пытаюсь закончить этот кошмар как можно быстрее. Вокруг становится все больше и больше народу. Студенты высыпают на крыльцо, они поддерживают меня, подбадривают громкими криками и свистом, разжигая чужую дерзость. Кажется, будто все они вывалились из дома, объединившись в одну дикую толпу. Все перешептываются, кто-то достает телефоны и снимает происходящее на видео, все находятся в полном восторге от чужой наглости, пока я перехожу к водительскому крылу, пытаюсь не смотреть людям в глаза.

— А здесь, — тянет Ава, пробиваясь сквозь поддержива-

ющую толпу и хищно улыбаясь, — напиши: «кончаю за три минуты».

— Для девушки это хорошо, — поддакивает ей тот самый парень с баллончиками.

— Счастливица, — кивает блондинка, подмигивая мне.

Я мнусь на месте, чувствуя, как стыд выжигает все внутри, но все же присаживаюсь на корточки, аккуратно разбрызгивая краску в нужной мне последовательности.

Буква за буквой ложатся на черную дверь. Толпа в очередной раз взрывается полным восторгом, гул нарастает, и Ава начинает ритмично выкрикивать мое имя. Ее скандирование тут же подхватывает толпа, заставляя воздух вибрировать от криков «Аврора! Аврора!», пока я с трудом дописываю кривую «ы».

— Какого блядь хрена?!

Я тут же замираю на месте. Баллончик застывает в моей ладони, а пальцы окончательно немеют.

Ледяной, сочащийся чистой, необузданной яростью голос моментально сбивает весь шум. На лужайке в ту же секунду воцаряется звенящая, мертвая тишина. Никто больше не кричит, не смеется и не снимает. Люди вокруг буквально затаили дыхание, расступаясь в стороны и образуя широкий коридор.

Я медленно поднимаю голову, чувствуя, как сердце срысывается в бешеный ритм, и из дома медленно выходит он. *Максвелл Воронов.* Настоящий дьявол во плоти нашего уни-

верситета, чье одно имя заставляет людей ходить по струнке. И он смотрит прямо на меня, пока до меня с ужасом доходит: он — тот самый владелец этого новенького Порше.

Глава 2. Максвелл

— Какого блядь хрена?!

Мой рев раскатывается по всему двору, срезая шум, и толпа мгновенно затыкается. На лужайке воцаряется тишина, пока я не могу отвести взгляд от незнакомки, замершей у моей машины.

Она выглядит чертовски напуганной, бледной как смерть, а ее большие пухлые губы слегка приоткрыты в панике. Я какого-то хрена задерживаю на них свой взгляд, фиксируя каждую деталь. Ава рядом лишь довольно ухмыляется, наблюдая за шоу, а ярость во мне растет с каждой секундой. Эта дрянь испортила мой новенький Порше 911. В два широких шага я сокращаю дистанцию между нами, с силой хватаю девчонку за тонкое запястье и резким рывком притягиваю к себе.

— Я задал тебе вопрос. Какого. Блядь. Хрена?!

— Мы... мы просто дурачились, я... она смывается, клянусь! Ава и тот парень...

— Черт. И ты реально поверила в это? — глухо смеется парень рядом, судя по всему, тот самый владелец баллончиков, разводя руками. — Это же для чертовых граффити, тупица.

— Мне правда жаль, клянусь, — шепчет она, дрожа всем телом. — Я... я все отмою.

— Отмоешь?! — рывкаю я на незнакомку, чувствуя, как закипает кровь. — Ты действительно такая тупая?

Глаза девушки тут же наливаются слезами, готовыми вот-вот брызнуть по щекам, когда моя хватка на ее руке усиливается. Я лишь сильнее смыкаю пальцы на ее суставе, болью заставляя прочувствовать каждую секунду, и еще жестче вжимаю ее в капот моей чертовой тачки.

От ее чертовой близости во мне мгновенно вспыхивает глухая, дикая злость. Ее грудь часто и тяжело вздымается, с каждым рваным вдохом задевая мою, а горячее дыхание обжигает кожу на моей шее. От этого чистейшего, животного страха и ужаса в ее глазах мой член ощутимо дергается в штанах, наливаясь тяжестью и требуя, чтобы эта расправа никогда не заканчивалась.

— Может... тебе так сильно нужно было мое внимание? Просто предложить отсосать не могла?

— Я не...

— Ты испортила мою тачку, дорогая, — шепчу я прямо в ее дрожащие губы, сжимая ее руку до хруста. — Теперь — тебя ждет наказание.

— Но мы...

— Уже знаешь, как будешь расплачиваться, или мне самому тебе объяснить?

Она замирает от страха, боясь даже шевельнуться, и явно чувствует мой стояк, упирающийся ей в бедро. До нее мгновенно доходит, к чему я клоню, хотя, по правде говоря, она

нахер мне не сдалась. Мне просто нравится ее страх, ее беспомощность и реакция, и мне совершенно не нравится то, во что она превратила мою чертову тачку.

— Мы можем... поставить тебя на колени. Как послушную девочку, верно? И ты отработаешь каждую каплю краски, чтобы все исправить, — я еще сильнее вдавливаюсь в нее всем телом, грубо запуская руку на ее тонкую талию, пока другая все еще намертво сжимает ее запястье. — А можем... использовать тебя как игрушку. Для удовлетворения своих потребностей. Будет невероятно, правда?

Я уже хочу пробраться пальцами выше под ее рубашку, когда глаза девушки неожиданно вспыхивают. Вместо ожидаемой покорности и сломленности я вижу в ее зрачках дикий, загнанный ужас, и в следующую секунду что-то с размаху прошибает мне нос.

Эта сука вмазала мне. Вмазала прямо в нос своим чертовым маленьким кулаком.

Голову тут же ведет в сторону. В ушах отзывается звон, лицо взрывается неприятной болью, и по губам стекают первые теплые капли крови. Толпа вокруг снова взрывается ором и хохотом, из дома опять начинает басить музыка, пока мое эго с размаху разбивается о землю.

Какая-то нищая тихоня только что ударила меня на глазах у половины кампуса.

— Лови! — громко смеется Ава, что-то кидая растерявшейся девушке, пока я пытаюсь стряхнуть с себя шок.

Девчонка на лету ловит брошенную вещь и под ошалелое улюлюканье толпы мгновенно растворяется в темноте двора, но я — я это блядь просто так не оставляю.

Я тут же разворачиваюсь к Дэну и Аве, медленно наступая на них с наливающимися тяжестью кулаками: Дэн сразу отшатывается назад, смотря на меня с паническим страхом, а полуголая Ава скрещивает руки на груди, изо всех сил пытаясь выглядеть дерзкой.

— Твоих рук дело.

Я не спрашиваю, я констатирую факт.

— Понятия не имею, о чем ты, — бросает блондинка, курсируя взглядом по моему разбитому носу.

— Не будь сукой, Ава.

— Это разрешено только тебе, Макс?

Я резко дергаю блондинку на себя за воротник накинутаго бомбера, и ее напускная дерзость тут же заменяется настоящим страхом.

— Ее имя.

— Я не знаю!

— Клянусь богом, Ава...

— Я правда не знаю! — визжит она, пытаюсь ослабить мою хватку. — Она с моего балетного класса и... она здесь на стипендии!

Это уже что-то. Таких нищих бедолаг здесь не много, и эта деталь существенно упростит поиски для моей мести.

Я дико злюсь, желваки сжимаются до хруста в челюсти, а

кровь в жилах закипает от неутоленной ярости. Отвращение к этой дешевке вспыхивает с новой силой, когда Ава, ничуть не стесняясь стоящего рядом Дэна, начинает открыто лапать меня.

— Это... я хотела привлечь твоё внимание, Максвелл, — шепчет она, прижимаясь ближе. — Я ведь... скучаю по тебе, котик.

Ее влажная ладонь тут же накрывает мой член поверх джинсов, то сжимая, то разжимая плоть в попытке вызвать хоть какую-то реакцию. Дэн заметно морщится от унижения, но молчит и не отдергивает ее.

— Я знаю, что и ты скучаешь по мне, — продолжает липнуть Ава. — Мы плохо расстались, но... нам ведь было так хорошо вместе, правда?

— Блядь, Ава, — рычу я и вовсе не от удовольствия, склоняясь прямо к ее лицу. — Ты чертова шлюшка, готовая пойти на все ради своей выгоды, но знаешь что? Я такой же. Поэтому ты и твой горловой — ни разу того не стоите.

Я с силой отталкиваю девушку от себя в сторону, буквально на ходу ловлю от подбежавшего лучшего друга Алекса свою кожаную куртку и возвращаюсь к своей испорченной сука машине. С размаху хлопаю дверью, завожу двигатель, пугая громким ревом толпу рядом, и резвым маневром выкручиваю руль, скрываясь в направлении своей квартиры.

Мне плевать на Аву, плевать на наше конченное прошлое, плевать на испуганного Дэна и даже на этот чертов разрисо-

ванный Порше. Все, что сидит в моей голове, это то, как за каких-то пять минут эта мелкая тварь дважды унизила меня публично. Все, чего я хочу — узнать, кто она. Узнать и блядь наказать.

Так проходят все мои оставшиеся выходные. Я отменяю абсолютно все свои встречи и планы, запираюсь в кабинете перед холодными экранами мониторов и врубаю все доступные ресурсы. Я пробиваю ее по соцсетям — абсолютный ноль. Ни одного аккаунта, ни единой совпавшей фотографии или упоминания. Она словно намеренно стерла себя из цифрового мира, прячась в тени. И это бесит меня еще сильнее, превращая злость в паранойю. Из-за этой маленькой сучки мне приходится рисковать и взламывать закрытую внутреннюю базу данных академии «Приорат».

Спустя три часа непрерывных поисков я нахожу ее профиль в студенческой системе: Аврора Громова. Нищая балерина, идеальная успеваемость, стипендия и... больше ничего. Никаких личных данных, никакой активности.

Поэтому я взламываю архивы ее предыдущей школы и закрытые серверы: я вгрызаюсь в зашифрованные файлы, выкапывая все, что она так тщательно пыталась похоронить, но и там поначалу все еще пусто. Вернее, *почти*.

К полуночи с воскресенья на понедельник я наконец нахожу скрытую папку и запускаю видео. То самое грязно-интимное, слитое в сеть видео, которое видимо уже однажды уничтожило ее прошлую жизнь, превратило в изгоя и заста-

вило сбежать сюда.

Я откидываюсь на спинку кресла, не сводя глаз с экрана, где эта маленькая сучка удовлетворяет себя в форме своего прошлого университета. На видео она наваливается на стеллаж с книгами, одна ее рука задирает складчатую теннисную юбку университетской формы, пока вторая — скользит по ее мокрым складкам и клитору, растирая их так сладко и нежно, что ее громкий, рваный стон сокрушает все вокруг.

Мой член твердеет сам собой, натягивая ткань джинсов. Я даже невольно касаюсь его ладонью прямо через одежду, желая снять тугое напряжение, на мгновение забывая, кто именно передо мной на видео, хотя ее лица там почти не видно.

Но в следующую секунду в моей груди разливается темное, садистское торжество.

Моя месть переплюнет сам ад. Теперь эта маленькая дрянь Аврора станет моей самой любимой игрушкой. Я уни-чтожу ее, сломаю на части, и это будет куда приятнее, чем любой оргазм.

Глава 3. Аврора

Поздний осенний вечер погружает кампус в глубокий, промозглый полумрак, густой туман медленно ползет между строгими фасадами старых зданий, а я тяжело плетусь по затопленным аллеям, пряча лицо дрожащей ладонью. Капли дождя беспрестанно падают на ткань, скатываясь на воротник свитера. Набитая до предела сумка с тяжелыми балетными пачками, намокшими от сырости, больно тянет плечо вниз, превращая каждый шаг в испытание. Ноги после трех выматывающих тренировок у станка и бесконечных, нудных пар просто гудят от дикой, тупой усталости, и, кажется, мышцы голеней завязаны в тугие, болезненные узлы.

Этот понедельник выжал из меня абсолютно все соки, выпив до капли последние силы. Но куда тяжелее обычной физической усталости оказывается ментальный пресс, выбивающий воздух из груди. Все две совместные лекции со старшими курсами я физически ощущала на своем затылке тяжелый, сканирующий взгляд Максвелла Воронова. Он не сводил с меня глаз ни на секунду, буквально прожигая во мне дыру своей темной, обещающей расправу яростью. Во время коротких перерывов совершенно незнакомые мне студенты оглядывались, одобрительно кивали, вполголоса напоминали о пятничном инциденте и слишком открыто поддерживали мою сумасшедшую выходку. Кто-то другой на-

верняка отдал бы все на свете, чтобы сейчас оказаться на моем месте, греясь в лучах этой фальшивой славы, но не я. Это липкое, навязчивое внимание беспощадно ломает мою маскировку, которую я выстраивала годами. Я привыкла быть невидимкой, привыкла бесшумно растворяться в общем фоновом шуме и не привлекать внимания. Ведь быть заметной в стенах «Приората» — это смертельно опасно.

Внезапно со стороны парковки мимо меня на бешеной, безумной скорости пролетает очередной элитный спорткар, обдавая ночную тишину ревом мощного мотора. Колеса с оглушительным грохотом влетают в глубокую лужу на асфальте, и меня мгновенно окатывает ледяной, грязной водой с ног до головы.

Я задерживаю дыхание, до крови сжимая зубы, чтобы не выдать рвущийся наружу стон досады. Капли стекают по подбородку, под одеждой кожа мгновенно покрывается мурашками от леденящего холода. Я даже не оборачиваюсь вслед стремительно уезжающим красным габаритам, растворяющимся в тумане. У этих избалованных, ослепленных деньгами детишек своя реальность, где люди вроде меня — просто уличный мусор под колесами их дорогой жизни.

Но спустя еще пять бесконечных минут я наконец оказываюсь у своего общежития. Быстро забегаю внутрь через боковой вход, поднимаюсь по крутой лестнице, переводя дыхание, и привычным движением щелкаю выключателем в своей комнате — но ничего не происходит.

Свет не загорается. Электричество окончательно выбило из-за бушующего осеннего шторма. Небольшую комнату заливают лишь тусклый, призрачный синеватый свет уличного фонаря, пробивающийся через залитое дождем окно за поворотом из мини-прихожей.

Я быстро запираю дверь на замок, с облегчением сбрасывая на пол мокрую, отяжелевшую сумку. На ощупь, в крошечной темноте прихожей, стягиваю с себя тяжелый, промокший насквозь свитер, который неприятно липнет к телу, оставаясь в одной лишь тонкой майке на голое тело и черных балетных трико. Перевожу рваное дыхание, устало откидывая мокрые от воды светлые пряди волос с груди назад и делаю шаг, выходя из-за поворота и собираясь пройти чуть дальше вглубь комнаты, чтобы найти на полке пару свечей и спички.

Но стоит мне сделать лишь одно движение вперед, как я намертво замираю. Вены мгновенно наполняются жидким, парализующим льдом.

На подоконнике распахнутого настежь окна, прямо внутри моей комнаты, неподвижно сидит массивный, широкий мужской силуэт. За его спиной глухо шумит непрерывная стена ливня, ветер из открытого проема агрессивно раздувает белые легкие занавески, а прямо на меня смотрит жуткая, искаженная маска клоуна с оскаленной безумной улыбкой и темно-красными, будто свежими кровавыми подтеками под глазницами.

Мой мозг категорически отказывается верить в происходящее. Сердце делает дикий, болезненный кувырок где-то в груди и застревает глубоко в горле, перекрывая доступ кислорода. Парализующий, чистый животный страх сжимает внутренности тугим узлом, лишая возможности даже выдохнуть. Кажется, кровь в жилах останавливает свое движение.

Я не вскрикиваю, горло сжимает спазмом, но отшатываюсь назад и с дикой паникой бросаюсь обратно к двери. Пальцы судорожно впиваются в холодную дверную ручку, мышцы дрожат, я пытаюсь повернуть замок, соскальзывая влажными ладонями. С трудом щелкаю задвижкой, распахи- ваю тяжелую дверь на какой-то миллиметр, надеясь вырваться в коридор...

Но тень сзади срывается с подоконника мгновенно и абсолютно бесшумно. Тяжелое, обжигающе горячее мужское тело с размаху впечатывается в меня сзади, и с оглушитель- ным грохотом захлопывает дверь обратно.

Его сильные, жесткие руки намертво прижимают меня спиной к сухому дереву двери, лишая малейшего шанса на маневр. Я панически пытаюсь вырваться, брыкаюсь, ударяя локтями назад, но он без малейшего труда фиксирует мои движения, буквально вжимая мое хрупкое тело своим мощ- ным каркасом. Грубая кожаная перчатка наглухо закрывает мой рот, врезаясь в губы и полностью глуша отчаянный, глу- хой крик.

— Куда же ты, дорогая? — раздается над самым моим ухом. — Разве так встречают гостей?

Голос незнакомца звучит глухо, искаженно из-за плотной маски, и отдает каким-то странным эхо, из-за чего я физически не могу разобрать, кому именно он принадлежит. Мозг в дикой панике анализирует слышимое, судорожно пытается сопоставить этот бархатный, сквозящий угрозой тембр с знакомыми образами в моей голове, но там гуляет лишь абсолютная, звенящая пустота.

— А ты ведь не так проста, как кажешься на первый взгляд, верно? — продолжается этот тихий, садистский шепот. — Оказывается... в тихом омуте черти действительно водятся. И они у тебя весьма голодные.

Мужчина в маске удерживает меня одной сильной рукой за талию, беспощадно давя всей своей внушительной массой и не оставляя пространства для замаха, а второй — все еще наглухо прикрывает мне рот, не давая сделать даже полноценный вдох, не то, что позвать на помощь. От его опасной близости у меня кружится голова. Я чувствую исходящий от него запах дождя, дорогого табака, терпкого парфюма и чужого, разрушительного превосходства, от которого колени начинают предательски дрожать.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — его пальцы на моей талии чуть сжимаются, сжимая ткань майки. — Может быть... какой-нибудь свой грязный, сокровенный секрет?

Мое сердце болезненно сжимается в грудной клетке, а гла-

за расширяются сами собой от накрывающего ужаса. Я упорно, из последних сил мотаю головой из стороны в сторону, отрицая каждое его слово.

— Неужели? — ухмылка явно угадывается в его тоне. — Ни уж то совсем ничего?

Его крупная ладонь в перчатке медленно спускается с моей талии чуть ниже, к самой пояснице. Он с силой притягивает мои бедра к своим джинсам, заставляя мои лопатки болезненно вжаться в твердое дерево двери. Мужчина практически оказывается между моих расставленных бедер, намертво блокируя любые попытки выскользнуть или ударить его.

— Может... ты подкладываешь битое стекло в пуанты своим конкуренткам? — вопросительно шепчет он, чуть наклоняясь, и я отрицательно мотаю головой. — Может быть... трахаешься с преподом? — я снова отчаянно трясую головой, пытаюсь вырваться из-под его перчатки. — Но ты ведь о ком-то фантазировала, верно?

Я на секунду замираю, впадая в ступор от его предположения, но тут же с новой силой отчаянно мотаю головой из стороны в сторону. Чувствую, как его жесткая хватка на моей пояснице слегка ослабевает, и он свободной рукой лезет за чем-то в глубокий карман своей куртки. Спустя мгновение он достает телефон и разворачивает экран прямо к моему лицу.

На дисплее запускается видео.

То самое.

Мое интимное и личное видео из прошлого университета, которое уже однажды полностью уничтожило мою жизнь и превратило меня в изгоя.

Мой самый глубокий, самый темный кошмар оживает прямо перед моими глазами, и земля с оглушительным треском уходит из-под ног, оставляя меня парить над бездной.

Я проиграла.

Меня нашли.

Моя новая жизнь, которую я выстраивала по кирпичикам, снова окончательно и бесповоротно кончена.

Мои глаза мгновенно наполняются горячими, жгучими слезами, они застилают зрение, но я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не зарыдать во весь голос.

— Я уберу руку с твоего прекрасного грязного рта, и мы поговорим, ладно? — глухой, вибрирующий рык раздается прямо из-под маски. — Но без глупостей, дорогая. Мы ведь не хотим, чтобы об этом видео еще кто-то узнал, верно?

Я неуверенно, сдавленно киваю, не смея издавать лишних звуков. Незнакомец в маске медленно и осторожно убирает тяжелую перчатку от моего рта, давая мне сделать рваный вдох, но тут же его крупная ладонь опускается ниже, прямо на мое бедро. Он грубо и по-хозяйски сжимает пальцы на ткани трико, намертво притягивая мои бедра к своему твердому паху.

— Красивое кино, правда? Ты только посмотри!

Я отворачиваю лицо, не смотря на экран от выжигающего изнутри стыда, но мужчина грубо и резко наваливается на меня всем своим весом, возвращая мое лицо обратно к телефону:

— Смотри, я сказал!

Меня крупно трясет от страха, и я неуверенно, через силу поднимаю глаза к яркому экрану. Я вижу саму себя, вижу, как мои собственные дрожащие пальцы пробираются под юбку к нижнему белью в той далекой библиотеке.

— Если не хочешь, чтобы завтра утром его крутили на всех экранах «Приората», ты будешь очень послушной девочкой, Рора. Моей послушной девочкой.

Мужчина в маске наваливается еще ближе, блокируя меня у двери, и медленно, ритмично трется своим твердым пахом об мои бедра, втискиваясь коленями между моих ног. Его широкие бедра размеренно двигаются вперед и назад, с силой вжимаясь в меня через тонкую ткань моих балетных трико и натягивая ее до предела. Мои руки оказываются зажаты между нашими грудными клетками, и с каждым его новым нажимом я четко ощущаю всю жесткую плотность его массивного тела. Его тяжелое, горячее дыхание, вырывающееся из-под пластика маски, обжигает мою открытую шею, принося с собой густой, пьянящий запах ночного дождя, крепких сигарет и дорогого парфюма.

— Я хочу знать подробности, дорогая. Что заставило такую как ты снять подобное? Какой-то студент? Препод? А

может... сразу декан?

Я тут же чувствую его стоящий член между своих ног даже через плотную ткань нашей одежды, с каждым движением все сильнее ощущая его давление на свои чувствительные зоны. Мой разум буквально разрывается от дикого отвращения и ужаса, но изнуренное, вымотанное и некогда травмированное тело вопреки разумной воле отдает предательский, пугающий отклик на этот опасный, животный напор. Дыхание сбивается на рваные всхлипы, волна темного, постыдного тепла стремительно затапливает низ живота, заставляя мышцы слабо сжаться, и я всем сердцем ненавижу себя за эту неконтролируемую реакцию.

— Кого ты представляла, когда твои тонкие пальцы ласкали себя, Рора? Ты... вводила их в себя, чтобы кончить? Сколько их было? Ты слишком тугая для двух или?..

— Нет... пожалуйста... не надо...

Но он лишь сильнее ведет своими бедрами в ритмичном, давящем танце, глубоко втискиваясь в мой пах и заставляя меня буквально задыхаться от сбивающих с толку собственных чувств и незванного, нарастающего желания. Он ритмично подается вперед, растирая чувствительный бугорок через слои ткани, каждым толчком попадая точно в цель и выбивая из меня последние остатки воздуха. Это движение получается невероятно грязным, откровенным и невыносимо хорошим одновременно, отчего у меня кружится голова.

Я... я никогда в жизни не делала ничего подобного с кем-

то другим, никогда не ощущала такой чужой, подавляющей силы так близко.

— Мне нужны ответы, Рора, — его пальцы бесцеремонно скользят под край моей майки на талии, впиваясь в обнаженную горячую кожу, а бедра надавливают еще сильнее, заставляя меня бессознательно прогнуться в пояснице и издать едва заметный, тихий стон. — Говори, иначе файл сейчас уйдет в общую рассылку.

Задыхаясь от вибрирующего в теле чувственного напряжения и выжигающего изнутри стыда, я срывающимся, дрожащим шепотом признаюсь:

— Это... это было для парня, который мне нравится... из прошлой школы. Я... я хотела его привлечь... я записала его сама, когда он попросил...

Мужчина в маске наваливается на меня с новой силой, возобновляя свои бедрами медленные, глубокие толчки точно в мой пах. Его грубое движение заставляет меня беспомощно выгнуться, а мое чертово, изнуренное тело вопреки всякой логике предательски поддается ему навстречу, инстинктивно подаваясь вперед, чтобы хоть немного утолить это сбивающее с толку, адское напряжение. Я сама, глотая слезы и задыхаясь от собственного стыда, сжимаю бедра вокруг его колена, позорно притираясь чувствительной точкой к его твердой плоти в поиске этой опасной разрядки. Мои пальцы судорожно впиваются в его плечи, вжимаясь в куртку, пока внизу живота вспыхивает жаркий, разрывающий из-

нутри импульс, от которого у меня окончательно темнеет в глазах.

— Вот видишь, Рора. Это было... не так уж и сложно.

Он неожиданно отстраняется, мгновенно снимая давящий вес своего тела. Без его поддержки мои ослабевшие ноги тут же подкашиваются, лишая опоры, и я медленно сползаю по холодному дереву двери прямо на пол, тяжело и прерывисто дыша. Я судорожно подтягиваю дрожащие колени к груди, пряча лицо в руках, меня всю крупно трясет от пережитого шока, и я изо всех сил пытаюсь раствориться в темноте комнаты, заранее зная, что это невозможно.

Мужчина плавно опускается на корточки и наклоняется ко мне. Его крупная ладонь в кожаной перчатке больно берет меня за подбородок, пальцами сжимая челюсть и заставляя меня еще раз взглядеться в оскал его жуткой маски:

— Мы... прекрасная команда, Рора, не правда ли? Думаю, нам обязательно нужно будет повторить.

Он резко отпускает мое лицо и тут же оказывается у окна. В один ловкий прыжок присаживается на высокий подоконник, перекидывает через раму одну ногу, затем вторую, мгновенно растворяясь в черной, мокрой бездне штормовой ночи за стеной ливня. Я же остаюсь беспомощно сидеть на холодном полу в полной, давящей темноте, судорожно обнимая свои дрожащие колени и боясь сделать лишний вдох.

Мое тело все еще горит от его жестких прикосновений, а в ушах глухим эхом без конца отдается его вибрирующий

шепот. Но больше всего меня панически ужасает даже не сам факт этого грязно шантажа.

Когда он прижимался ко мне у двери, от его кожи веяло тем самым специфическим, дорогим и знакомым ароматом, который я весь день чувствовала рядом с собой на лекциях. Но там, в аудиториях, было сотни народу, смешивающихся в густую толпу.

Это мог быть абсолютно кто угодно, но... почему он решил скрыться за этой маской, если собирается снова беспощадно уничтожить мою жизнь?

Глава 4. Максвелл

Я наваливаюсь на спинку амфитеатральной скамьи в самой верхней точке лекционной аудитории, лениво крутя между пальцами дорогой металлический паркер. Сканирую взглядом тяжелые входные двери, вслушиваясь в беспорядочный шум постепенно заполняющегося зала.

Мне пришлось пережить две чертовы недели настоящей ломки. Четырнадцать дней я не лазил в ее окно, не сжимал ее хрупкое горло через кожаную перчатку и не заставлял плакать от стыда. Из-за выездных соревнований нашей сборной по лакроссу и ее бесконечных балетных прогонов перед пробами мы не пересекались даже в коридорах университета.

Без ее страха это место превращается в унылую, серую свалку.

Картинка той ночи до сих пор сжигает мой мозг изнутри. Как я прижимал ее к двери, как впечатывал свой твердый член в ее гибкое, дрожащее балетное тело через тонкие трико. Я готов поклясться на чем угодно: ее бедра прогибались навстречу не только от ужаса. Она намокла. Эта правильная, святая тихоня стала влажной от того, насколько грубо я загонял ее в угол.

Поэтому, когда я вижу, как в двери наконец проскальзывает Аврора, мой день если не вся неделя мгновенно становятся лучше. Она пытается буквально раствориться в стене,

проходя на самый дальний край среднего ряда. Намеренно садится, уткнувшись носом в тетрадь, и упрямо не смотрит в мою сторону. Она думает, что если не поднимать глаз, то я исчезну. Жалкая, наивная мышка — сегодня твой спокойный сон окончательно заканчивается.

Когда начинается пара по сценографии, я начинаю откровенно скучать. Этот тупица-профессор объясняет банальные вещи, предназначенные для четвероклассников. Наш университет специализируется на пяти основных направлениях экономики — право, строительство, медицина, айти и политика, и я как сын строительного магната числюсь здесь чисто для галочки. Ведь мое настоящее призвание — это айти, но мне не хотелось обижать отца, поэтому я и учусь сразу на двух чертовых программах. Кто бы мог подумать, что я наконец начну искренне радоваться этому?

И все это благодаря ей.

Я достаю из внутреннего кармана пиджака университетской формы второй смартфон — тот самый, полностью зашифрованный, с безликой черной задней панелью, и запускаю закрытый мессенджер. Мне не составило ни малейшего труда раздобыть все ее контакты и личные данные, как только я узнал ее полное имя. Я набираю первое сообщение, не спуская с нее пристального взгляда:

«Ты скучала по мне, Рора?»

И с ленивой ухмылкой нажимаю «отправить».

Я внимательно наблюдаю за ее реакцией сверху. В ее от-

крытой спортивной сумке с балетным хламом тихо вибрирует телефон. Она ощутимо вздрагивает, едва заметно поднимает его, вглядывается в светящийся экран, и ее плечи мгновенно окатывает ледяным зажимом. Она вытягивается в струну, быстро переворачивает гаджет экраном вниз и замирает, с трудом глотая воздух.

Набираю второе сообщение, чувствуя, как внутри разгорается азарт:

«Нехорошо игнорировать своего хозяина, дорогая. Я ведь могу отправить наш маленький фильм лектору, чтобы он вывел его на главный экран за своей спиной»

Аврора судорожно хватает телефон. Ее пальцы дрожат так сильно, что она едва попадает по мелким клавишам. Она на секунду поворачивает голову в сторону окна, будто наяву возвращается в тот самый вечер у двери, и наконец отправляет ответ.

На моем экране высвечивается строчка:

«Чего ты хочешь? Оставь меня в покое!.. Я сделала все, что ты просил»

Я набираю ответ, чувствуя, как внизу живота закипает привычное, темное желание, а член становится тяжелее в брюках:

«Ты сделала далеко не все. Я до сих пор помню, как ты дрожала, когда я прижился к тебе»

«Скажи мне правду, дорогая: ты ведь была мокрой? Твои трусики промокли от того, как сильно я тебя хотел?»

Отправляю.

Аврора читает текст, и ее бледная шея и кончики ушей мгновенно вспыхивают густым, постыдным румянцем. Она резко сжимает бедра, опускает голову еще ниже к столу и прячет экран телефона подальше от посторонних глаз, но не убирает его обратно в сумку.

Я добиваю ее новым сообщением, упиваясь своей властью:

«Признайся. Напиши. Скажи, что ты хотела, чтобы я тебя трахнул прям там, у двери. Напиши это, или завтра вся твоя балетная труппа будет обсуждать то, как ты сама с этим справилась»

Я вижу, как она задерживает дыхание, кусает губу до крови и с невиданным отчаянием печатает:

«Да»

Я медленно откидываюсь на деревянную спинку скамьи, всей грудью впитывая ее сладкое, густое унижение. Она полностью, до последнего вздоха у меня на крючке. Ее слабый разум окончательно сломан, тело беспрекословно подконтрольно моим желаниям, но, черт возьми, это короткое, отчаянное признание... оно моментально делает меня чертовски твердым.

Мой член с тяжелой, пульсирующей силой натягивает плотную ткань брюк университетской формы, до боли упираясь в ремень. Внизу живота закипает жаркий, садистский голод, требующий немедленно сорваться с места, зажать ее в

этом углу и забрать все, что она так беспомощно попыталась отдать мне через экран.

— Напоминаю, — слишком громко и сухо отзывается профессор, выдергивая меня из эти болезненных, темных мыслей, — что к концу текущего семестра вы обязаны сдать совместные проекты по детальным декорациям для балетных постановок. Списки пар сформирован мною лично и изменениям не подлежат.

По полупустой аудитории тут же пробегаются недовольные, разочарованные смешки и тяжелые вздохи студентов, но профессор привычно их игнорирует, уткнувшись носом в свои бумажки.

— Каждые две недели вы обязаны сдавать контрольные точки за которые будут начисляться баллы и уже из них — складываться финальная оценка за семестр. Если я назвал вашу фамилию — зафиксируете свою пару и можете быть свободны.

Профессор монотонно начинает зачитывать фамилии, и аудитория постепенно, со скрежетом стульев пустеет. Студенты стекают к выходу, но мне совершенно не о чем переживать. Я заранее заставил его внести нужные правки в этот официальный список, грамотно используя влияние и деньги своего отца.

Именно поэтому мне так чертовски нравится наблюдать за реакцией Роры сверху, когда до нее наконец словно обухом по голове доходит, кто именно стал ее новым партнером.

— ...Воронов и Громова. Проект "Лебединое озеро". Жду от вас готовый календарный план встреч к концу недели, и можете быть свободны.

Аврора буквально подпрыгивает на месте, будто ее ударило током. Она с диким, паническим, загнанным ужасом подпрыгивает со своего места и подбегает к кафедре, судорожно сжимая лямку своей сумки.

— Профессор, извините! Но я не могу... у меня очень плотный график репетиций, и у Воронова выезды с командой по лакроссу, мы... просто не состыкуем наши графики и...

— Да брось, дорогая.

Я медленно, с ленивой вальяжностью поднимаюсь со своего места на самом верху, перекидывая кожаный ремень сумки через плечо, и с неспешной, хищной грацией спускаюсь по крутым ступеням амфитеатра прямо к ним.

— Я с большим удовольствием возьму все руководство проекта на себя. Назначу нам график встреч, чтобы тебе было комфортно. Поддержу в трудную минуту и... Уверен, мы сработаемся идеально.

Мои фальшивые, наигранные слова звучат как сладкий, усыпляющий мед, и старый профессор искренне в них верит, в отличие от стоящей рядом девчонки, которую начинает крупно трясти.

— Воронов прекрасный партнер, Громова, — уверяет он ее, деловито собирая свои конспекты и портфель. — К со-

жалению, в реальном мире мы не всегда получаем все что хотим, так что... Вы оба справитесь.

Профессор сухо отмахивается от нее, категорически отказываясь слушать ее дрожащие возражения, и быстрыми шагами выходит из аудитории. Тяжелая дверь за ним с глухим стуком закрывается, и окончательно опустевшая аудитория мгновенно погружается в прохладный полумрак — в огромном пространстве слышно лишь наше рваное, тяжелое дыхание. Аврора резко разворачивается ко мне всем телом, ее большие глаза горят отчаянной яростью и животным страхом.

— Твоих рук дело? Мы не могли просто так оказаться в паре. По теории вероятности с учетом первых букв наших фамилий...

Я не дослушиваю ее жалкие математические выкладки. В один шаг мгновенно сокращаю оставшуюся между нами дистанцию, нависая над ней всей своей массивной, широкой фигурой и сходу вжимаю ее бедра в край тяжелой дубовой парты. Моя крупная ладонь со свистом и звонким хлопком ложится на деревянную столешницу прямо возле ее тонкой талии, напрочь блокируя любой путь к побегу.

— Ты до сих пор не поняла, дорогая? — я говорю тихо, опасным, сочащимся ядом голосом прямо в ее дрожащие, приоткрытые губы. — Ты испортила мой Порше. Ты дала мне пощечину при всех. Ты думала, что после случившегося — я оставлю тебя в покое?

Ее хрупкое тело моментально выдает истину вопреки всем ее попыткам казаться сильной: грудь часто и судорожно вздымается, едва не касаясь моего пиджака, бедра предательски дрожат, упираясь в дуб, а дыхание сбивается на рваный, горячий всхлип, обжигающий мою шею.

Это чистейшее, откровенное проявление ее слабости возбуждает меня до сжатых челюстей — чертовски нелегко быть садистом, что уж тут сказать.

— Тогда ты слишком глупа, чтобы учиться здесь на стипендии, Аврора. Теперь твоя жизнь принадлежит мне. Я лично распишу твои дни так, что у тебя не останется времени даже на вдох. Я буду наслаждаться каждой секундой того, как ты ломаешься.

Я медленно взмахиваю рукой, плавно проводя костяшками пальцев по ее горячей, вспыхнувшей румянцем щеке, и подушечка большого пальца едва ощутимо, но с явным хозяйским намеком касается ее полных, искусанных губ.

— Это будет самое прекрасное зрелище что я видел, не правда ли?

Мне совершенно не нужен ее ответ, поэтому я делаю один широкий шаг назад, с улыбкой отпуская ее из своей ловушки. Аврора так и остается стоять, беспомощно хватая ртом прохладный воздух, словно вытащенная на берег утопленница, и до белых костяшек сжимает свои маленькие кулаки.

Я разворачиваюсь и неторопливо направляюсь к выходу из аудитории, на ходу доставая из кармана второй, зашифро-

ванный телефон, чтобы окончательно добить свою правильную, святую девочку.

Рора всерьез думает, что загнана в тупиковый угол двумя совершенно разными монстрами — избалованным мажором из реала и безликим, беспощадным сталкером из ночной тени. Поэтому, пока я иду к двустворчатой двери, из ее спортивной сумки снова раздается короткий, негромкий звук уведомления.

«Ты ведь не собираешься мне изменять, дорогая? Он, конечно, неплох, но мы оба прекрасно знаем кому ты позволишь себя грубо трахнуть»

Я ужасно, до зуда во всем теле хочу обернуться, чтобы собственными глазами увидеть ее перепуганное лицо после прочтения моего смс, но сдерживаюсь из самых последних сил. Наверняка она в панике оглядывается по сторонам в пустом, погруженном в полумрак зале, испытывает дикий страх и всепоглощающий ужас, ее ноги должно быть подкашиваются и дрожат, а дыхание сбивается от понимания своей беспомощности.

Она даже не догадывается, что мы — один и тот же человек, и именно эта жестокая игра в конце концов ее и уничтожит.

Она в полной безысходности, и она абсолютно, намертво в моей власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.